

Н 53

231/—

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ УССР
КИЕВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
имени А. М. ГОРЬКОГО

Ф. А. НЕПИИВОДА

АКТОВЫЕ КНИГИ СТАРОДУБСКОГО ГОРОВОДОГО УРЯДА КАК ПАМЯТНИК УКРАИНСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель — старший научный сотрудник Института языкознания
им. А. А. Потебни АН УССР, кандидат филологических наук
М. А. Жовтобрюх

231 (счн/

НБ НПУ

імені М.П. Драгоманова

100313549

Киев — 1962

В период развернутого коммунистического строительства, начертанного Программой Коммунистической партии Советского Союза, всестороннее изучение процессов развития языка как «важнейшего средства человеческого общения»¹ не перестанет быть актуальным.

Одной из главнейших задач исследователей украинского языка является изучение его истории по данным письменных памятников, особенно тех, которые наиболее ярко отражают элементы разговорной речи, в первую очередь памятников делового языка, в том числе и актовых книг.

Ознакомление с научной литературой, касающейся древнего украинского языка, дает основания для вывода, что изучению языка актовых книг уделяется еще сравнительно мало внимания. Правда, в последнее время этот пробел украинского языкознания частично заполняется².

Язык актовых книг XVI—XVII вв. в сравнении с другими памятниками деловой письменности этого периода разработан еще мало.

Не был предметом исследования язык Стародубских актовых книг второй половины XVII в. Реферируемая работа и посвящена языковой характеристике Стародубских актов. В ней рас-

¹ В. И. Ленин, О праве наций на самоопределение, Соч., т. 20, стр. 368.

² См. работы: О. М. Маштабей, «Актові книги Полтавського городского уряду», як джерело для історичного вивчення полтавсько-київського діалекту (Дієслівні форми), К., 1955 (диссертация); Деякі морфологічні риси говорів Полтавщини XVII ст. (сб. «Среднеприднепровские говоры», К., 1960) и др.

С. П. Самійленко, До характеристики полтавсько-київського діалекту за пам'ятками XVII ст., Сб. «Полтавсько-київський діалект — основа українського національного языка», К., 1954.

М. А. Жовтобрюх, З морфології «Актив Бориспільського міського уряду XVII ст.» (Научные записки Черкасского пединститута, т. X, в. III, 1957), Из морфології «Актив Бориспільського міського уряду XVII століття». Прикметники, числівники, займенники (Научные записки Черкасского пединститута, т. XV, в. V, 1960).

Н. П. Москальова, Відмінювання іменників другої відміни за даними Полтавських актових книг другої половини XVII ст. (Научные записки Запорожского пединститута, т. IV, филологический сборник, 1957).

сма­три­ва­ют­ся лек­си­че­ские, фонетические и мор­фо­ло­гические особен­ности Стародубских ак­то­вых книг (в основу исследования взяты ак­то­вые книги Стародубского городского у­ря­да за 1680 г., 1683 г., 1693 г., а также отрывки из книг 1664—1673 гг. и др.).

Анализ и систематизация языкового материала исследуемых актов, лингвистическое сравнение их с другими памятниками этого периода дают возможность определить основные компоненты делового стиля украинского литературного языка второй половины XVII в., их главные черты, источники, сделать некоторые выводы относительно места Стародубских актов среди других памятников украинского литературного языка.

При исследовании Стародубских актов не только констатируются и объясняются отраженные в них определенные явления книжного или разговорного языка того времени, но и делаются сопоставления с явлениями современного украинского языка и его диалектов, языка русского, белорусского, а также с явлениями, которые наблюдаются в других памятниках. Все это дает возможность определить типичные языковые черты актовых книг Стародубского городского у­ря­да, указать на их значение в исследовании украинского литературного языка того времени, в историческом изучении диалектов и в изучении связей восточно­славянских языков.

Работа состоит из введения, трех глав и заключения.

Воссоединение Украины с Россией имело большое значение для экономического и культурного развития Украины, экономических и культурных взаимосвязей всех братских восточно­славянских народов, развития украинского литературного языка.

В новых политических обстоятельствах украинский литературный язык постепенно изменялся: освобождался от чуждых для украинского языка лексических и грамматических полонизмов, вливался в себя жизненные силы русского литературного языка.

Изменения и направления этих изменений в развитии украинского литературного языка второй половины XVII в. можно проследить на достаточно богатой рукописной и печатной продукции этого периода. С языковой стороны эта продукция неоднотипна. Значительная часть ее писана так назыв. славяно­русским (славяно­малорусским) языком, а часть — книжным старо­украинским языком.

Староукраинский книжный язык находит свое широкое применение в разного рода деловых документах второй половины XVII в. Особенности этого языка ярко отражены и в Стародубских актовых книгах.

Стародубщина в XVII в. входила в состав Левобережной Украины. В официальном употреблении там был тот же литературный язык, что и на всей территории украинского Левобережья, поэтому, вполне естественно, Стародубские актывые книги, как и актывые книги других городовых урядов, передают главные черты украинского литературного языка того времени и общие тенденции развития его, которые проявились в широком отражении элементов устно-разговорной речи. Вот почему исследуемые документы служат важнейшим источником для изучения украинского литературного языка, особенно делового стиля его.

В Стародубских актах зафиксированы также выразительные белоруссизмы и диалектные черты Стародубщины. Историческая Стародубщина никогда не была заселена целиком украинцами. Стародубский полк охватывал как украинские поселения, так и граничащие с ними русские и белорусские. Кроме того, как свидетельствуют документальные данные¹, на территорию северной Украины после воссоединения Украины с Россией переходило много переселенцев с подвластных Польши украинской и белорусской территорий, а также переселенцы из России, желающие избавиться от крепостной зависимости.

Таким образом, национальный состав населения Стародубщины второй половины XVII в. был неоднороден, он изменялся под влиянием некоторых исторических обстоятельств. Изменения его отражаются в первую очередь в языке, поэтому в языке современных Стародубских говоров, кроме своеобразных особенностей, в основе белорусских, наблюдаются черты украинского и русского языков, что связано с историей этого края, заселением его. Этим обуславливается тот факт, что при классификации диалектов территория Стародубщины исследователями украинского, русского и белорусского языков определяется по-разному²: часть лингвистов относит ее к белорусским, некоторые языковеды — к украинским говорам или переходным, или смешанным (с белорусской либо с украинской основой), другие — к говорам русским (или же переходным к русским).

¹ А. М. Лазаревский, Малороссийские посполитые крестьяне 1648—1783 гг., Записки Черниговского статистического комитета, 1866, кн. 1, стр. 78—86.

² В работе дается критический обзор взглядов А. Ф. Шафонского, М. А. Максимовича, И. И. Срезневского, А. А. Потебни, К. П. Михальчука, П. И. Житецкого, А. И. Соболевского, А. А. Шахматова, И. Зелинского, Е. Ф. Карского, Московской диалектологической комиссии, И. Голанова, П. Расторгуева, Ф. Т. Жилка и др. лингвистов на диалектную основу говоров Стародубщины.

Разные взгляды лингвистов на диалектную основу говоров Стародубщины свидетельствуют не только о значительных изменениях происходивших в этих говорах и обусловленных соответствующими историческими обстоятельствами, но и о том, что основные особенности этих говоров (в современном и прошлом их состоянии) изучены еще недостаточно.

Эти вопросы освещаются во введении.

Во введении, кроме того, характеризуется композиционная структура Стародубских актов. На основе сравнения Стародубских актов с другими актовыми книгами делается вывод, что актовые книги городских урядов Левобережья и Правобережья имеют значительную общность не только в композиционной структуре, но и в лексическо-фразеологическом составе их, отображении элементов разговорного языка. В диссертации определяется также связь исследуемых актов с другими памятниками деловой письменности XIV—XVII вв. (грамотами, универсалами, юридическими документами и др.).

1 глава. ЛЕКСИКА

Глава состоит из двух частей. В первой части характеризуется лексика Стародубских актов по ее происхождению, во второй части освещается стилистическая и семантическая сторона словарного состава актов.

Стародубские актовые книги ярко передают богатство лексики живого украинского языка того времени, тесные связи ее с лексикой русского и белорусского языков. Сохранены в актах и традиции канцелярского, а также церковно-книжного языков.

Широко представлены в исследуемых актах прежде всего корневые слова, берущие свое начало в общеславянской и общевосточнославянской эпохах. Это слова, принадлежащие к числу общеупотребительных в языках украинской, русской и белоруской народностей; они составляют основу словарного состава современных восточнославянских языков.

Отражена в актовых книгах и лексика, составляющая специфику украинского языка. В основном это слова, развившиеся по внутренним законам украинского языка на базе общеславянских и общевосточнославянских корней и сохранившиеся с некоторыми фонетическими изменениями в современном украинском языке (напр.: **дореканъе**, 144¹); **зволока**, 116; **намова**, 21;

¹ Число обозначает номер акта в «Актовой книге Стародубского городского уряда 1693 года».

подозрѣне, 170. и др.). Некоторые из них вышли из словарного состава современного языка и рассматриваются сейчас как архаизмы (ср.: вихол, 114, — современное укр. вихор; зминка, 73, 1690¹), — совр. укр. спомин, згядка; кавза, 34, — со значением «порицание», «ссора»; похвалки, 34, — со значением «угрожение» и др.). Большая часть таких слов — общие для украинского и белорусского языков и диалектов (напр.: батковщина, 89; гости-всц, 123; звичай, 83, 1683²); потилиця, 53, 1683; римар, 61; свѣтане, 85; ганбити, 4, и т. п.), некоторые же являются общими для украинского, белорусского и польского языков (например: вапно, 137; вслане, 44; вязене, 82; згода, 66; зневага, 121; скарга, 93; запитати, 11; заробляти, 43, 1690; згодитися, 35; зневажати, 121; позычыти, 119; уживати, 27, и др.).

Заслуживает внимания тот факт, что некоторые слова, употребляемые в актах и сохранившиеся в современном украинском языке, выступают с другими словообразовательными аффиксами, например: **важитись** (если бы отъ сего часу или самъ Алексѣй или малжонка его з такими словами важилися на Стефана самого и на ражонихъ его помикатися; ср. также в Пирятинских актах: варую, аби нѣхто оногъ нѣвчомъ турбовати не важился) — в современном украинском языке употребляется преимущественно с префиксом на («наважитись турбувати»); **звѣритися** (звѣрившись мнѣ) — современное украинское **довѣритися**; **куситися** (яким бы способомъ и з чие науки такого безещого злого учинку кусилася?) — современное украинское **спокуситися** (ср. блр. спакусіцца); **разити** (разиль в голову) — современное украинское **вразити**, блр. **вразіць** и др.

В новых условиях — после воссоединения Украины с Россией — украинский литературный язык Левобережной Украины, в том числе и язык актов, обогащался словами русского языка. Слова русского языка становились неотъемлемой составной частью канцелярских штампов. Они употреблялись и при изложении содержания актов, выступая иногда рядом с общими по значению словами украинского языка.

Стародубские акты фиксируют ряд иноязычных лексических элементов — в первую очередь полонизмов, а также латинских и немецких слов.

Иноязычные лексические элементы чаще всего выступают в типичных канцелярских оборотах. Они отображают продолжение

¹ Условное обозначение примеров из Стародубской актовой книги за 1690 год (первое число обозначает номер акта, а второе — год).

² Условное обозначение примеров из «Протыкула справа поточныхъ Стародубского магистрата» за 1683 год (числа обозначают номер и год).

в Стародубских актах традиции украинского делового языка XVI — первой половины XVII вв. (напр.: **пожиток**, 1, и др.; **ранкор**, 112; **декляровати**, 116; **шафовати**, 115; **диспоновати**, 115, и т. п.). Использование их тогда рассматривалось как своеобразное украшение книжной речи, как доказательство того, что писарь знаком с современной ему «ученой литературой». Такого типа латинизмы и полонизмы с развитием языка вышли из употребления.

Помимо таких иноязычных лексических элементов, акты фиксируют слова, употребляемые в бытовом языке того времени, напр.: **барило**, 160; **белокглова** («женщина»), 90, 1690; **гандель**, 178; **гмѣнтъ** («толпа»), 117; **занадра** («пазуха»), 5; **скарб**, 34, и др. Некоторые из этих слов сохраняются в современном украинском языке, но они настолько морфологизировались соответственно законам украинского языка, что их иностранное происхождение уже не ощущается.

С точки зрения стилистической в исследуемых актах выделяются две основные лексические группы: 1) лексика общеупотребительная и 2) лексика книжная. Со стороны семантической выразительными являются слова хозяйственно-бытовые и юридическо-канцелярские, а также слова со значением родства и свойства, лексика общественно-политическая, церковно-религиозная и др.

Самым широким лексическим слоем является хозяйственно-бытовая лексика. Основные группы ее: названия построек, жилища, двора (**будинск**, 47; **буда**, 178; **изба**, 44; **иньбар**, 2; **комо-ра**, 59; **свѣтила**, 2); сельскохозяйственных угодий (**плац**, 61; **кгрунтъ**, 91; **угоде**, 56; **поле пахотное**, 54; **поле сенкосное**, 135; **новинки** — со значением земли, обрабатываемой впервые (продаль... засѣвъ сеголѣтний и новинки собою розробление, 110), **поземщина**, 124, и др.); названия одежды, тканей, домашних предметов.

Синонимическое богатство лексики — характерная черта Стародубских актов, например: **халупка**, 1664, Отр., 14¹; **хижа**, 44, 1683 (со значением «бедное жильё»); **изба**, 44, **хата**, 2 (стили-стически нейтральные); **лазня**, 85, **баня**, 2; **тинь**, 55, и чаще употребляемые **паркан**, 173, или **баркан**, 46; **токъ**, 85, **гумно**, 44; **убозство** (со значением «богатство», «имущество»), 177, **статок**, 66, **рухлядь** («пожитки», «домашние вещи»), 83, **дробязки**, 176, и близкое к ним по значению слово **причина** (тилко продавцомъ

¹ Условное обозначение года актов и страницы изданных В. Л. Модзалевским «Отрывков из Стародубовской мѣской книги за 1664—1673 годы» (Оттиск из 8 т. «Трудов Черниговской Архивной Комиссии», Чернигов, 1911 г.

волно причину, лежащую под кузною, на свой пожитокъ оборочати, 101); фантины, 14, шутлате, 142, рупески, 170, охендозство, 140,— слова, имеющие общее значение «одежда», «убранство» с определенной положительной или отрицательной окраской; батко, 44, отец, 1664, Отр., 7; дочка, 5, дочь, 189, цорка, 34; пасербица, 86, и адекватное падчарка, 160, и др.

Богата в актах юридическо-канцелярская терминология, которая представлена в основном словами украинского языка, в первую очередь словами, унаследованными от древнерусского языка (вина, 9, 1680; головщина, 128, 1690; довод, 34; зарука, 35; лице, 165; свидокъ, 84, 1683, и многие другие). Рядом с этим в актах очень частыми являются термины польского и латинского происхождения (апелляция, 74; дебитор, 6; деляторы, 174; калюмния, 21; кондиция, 44; медиатор, 44; выдѣдичити, 68; диспозовати, 115; лекговати, 124, и др.). Характерно, что некоторые из этих терминов неправильно понимались писарями, подменялись словами, близкими по звучанию, например: яко ихъ дефектъ и добрая злагода обополне обох сторонъ изволят мешкати, 66 (со значением «желание» употребил писарь слово **дефект**, вместо **афект**).

Церковно-религиозная лексика представлена в актах сравнительно небольшим количеством примеров. Это названия служителей культа, религиозных праздников, термины, связанные с церковно-религиозными обрядами, и др. В большинстве случаев эта лексика встречается в церковных записях или же в актах, раскрывающих быт служителей церкви. Часто она наблюдается в актах иного типа, представляя собой стилистическое средство передачи торжественности.

II глава. ФОНЕТИКА

Фонетические особенности исследуемых актов в основном сближают их с другими памятниками деловой письменности этой эпохи и характеризуют фонетическую систему общенародного украинского языка второй половины XVII в., например, изменение долгих **о**, **е** в **і**, изменение **ѣ** в **і**, слияние в одном звуке древних **ы—і**, изменение **л** в **ў**, удлинение согласных и т. п.

Наряду с такими фонетическими чертами в Стародубских актах наблюдаются диалектизмы (и южноукраинские, и северноукраинские, причем последние тут более часты, потому что употребление их подкреплялось местным говором), а также выразительные руссизмы и белоруссизмы: сохранение древних **о**, **е**

в новых закрытых слогах, употребление на месте **ѣ** звука **е** спорадичное умеренное аканье, а в некоторых примерах — сильное аканье и яканье; некоторые примеры фиксируют северноукраинское сохранение неударяемого **ѣ** (←**е**) соответственно ударяемому **а**, отвердение **р**, **ш**, иногда — белорусское дзеканье и цеканье, изменение ударяемого **е** в **о** и т. п.

Стародубские акты не представляют собой чего-то единого целого относительно отображения в них характерных черт звуковой системы украинского языка.

Так, например, наряду с многочисленными написаниями этимологических **о**, **е** в новых закрытых слогах наблюдаются такие, где на месте этих звуков выступают дифтонги или монофтонги, в том числе и монофтонг **і**.

Сближает исследуемые акты с другими памятниками древнего украинского литературного языка, особенно актами Бориспольского, Пирятинского, Полтавского и других городов урядов, написания с **у** (**ю**) на месте долгих **о**, **е** (завюль, — слово встречается очень часто в обороте «завюль и продалъ»; знюсь, 85; в пелюнкахъ, 66; рублювь, 100; суль, 38; тютьку, 23, 1690) и написания с **і** (граф. и): коривъ, 54, 1683; потимъ, 124; правий, 46, 1690 (на груди правий). Написания с **и** отображают фонетическую черту южных диалектов украинского языка, где в сравнении с северными говорами изменение древних **о**, **е** в **і** произошло значительно раньше и последовательнее.

В приставках и предлогах этимологический **о** зафиксирован чаще всего без изменений (одложил, 23, 1690; озмется, 79, 1690). Явление это характерно для современных северных говоров, а также многих говоров Центрального Поднепровья.

Изменения секундарного **о** в **і** в приставках, как правило, в актах не отражены, хотя в них уже встречаются написания типа отийти, 34; розишолись, 35 (они отображают, очевидно, влияние глагольных форм **іду**, **іти**), розибрали, 9. Эти написания представляют собой отражение в актах западноукраинских диалектных черт.

Очень часто встречаются также книжные написания, сохраняющие **о**, **е** (напр.: братовъ, 24; Ковдрат, 66; осен, 37; потомковъ, 12, и др.). Они, безусловно, поддерживаются влиянием местных говоров.

Четкое отражение нашла в актах рефлексация звука **ѣ** в **і**, что является следствием влияния живого украинского произношения, сложившегося в его южных диалектах. Эта черта проявляется как во многочисленных написаниях слов, где буква **ѣ**

соответствует древнему звуку ѣ¹, так и в частом употреблении этой буквы на месте этимологического или секундарного і (вѣшенъ три, 55; в млѣнѣ, 18; на спѣнѣ, 26, 1690; чуль отъ Семенихи, тожъ сусѣдѣ, 55; термѣне, 13; невѣсть помѣжнихъ, 47; рѣчь слушную, 89; сѣмнадцатого дня, 47, и др.), в часто употребляемом ѣ ударяемого и безударного (вичне, 176; дитям, 1664, Отр., 6; в ее домовци, 34), а также в параллельном написании слов то с буквой и, то с буквой ѣ (напр., разные варианты одинакового словосочетания: никому ни в чомъ непенного, 42; никому нѣ в чомъ непенный, 19; нѣкому ни в чом непенный, 27; нѣкому нѣ в чомъ непенный, 3).

Наблюдается в актах северноукраинская диалектная особенность, поддерживаемая в определенных позициях белорусским и русским произношением, а именно — изменение ѣ в е (вчерашное ночное години, 16; за харчъ дѣтемъ, 53; над рекою, 126; в том селе, 53, и др.). Диалектное произношение звука е на месте древнего ѣ подтверждается также примерами, где буква ѣ употребляется соответственно этимологическому е: монѣты, 41; до нѣго, 121; до себѣ, 1664, Отр., 7.

Закономерности фонетики украинского языка проявляются и в последовательном отображении лабиализованного звука е в безударной позиции после шипящих перед исконно твердым согласным: вечора, 39; жоною, 33; мачохи, 107; чотирох, 24, и др. Только единичные примеры являются следствием влияния местных говоров (мод, родит. пад. — меду, 1667, Отр., 68; в Семиновцѣ, 169; гвоздомъ, 50, 1683) или данью орфографической традиции, а возможно, и отображают влияние русского языка (дня вчерашнего, 11; челѣвѣкъ, 9; шестою, 5, 1690).

Среди преобладающих написаний с сохранением неударяемого о (козак, 13; Олѣйнику, 157; Сосновымъ болотомъ, 126, и др.) зафиксированы слова, отображающие северноукраинскую диалектную черту — умеренное спорадичное аканье. Некоторые примеры передают сильное аканье и яканье, что является особенностью местного говора Стародубщины. Чаще всего изменение неударяемого о в а встречается в формах родительного падежа прилагательных и числительных (пляца своего власнаго, 1664, Отр., 41; коня... лысаго, 19; перваго дня, 135). В отдельных случаях фиксируется изменение о в а перед слогом с ударяемым а

¹ П. И. Житецкий подчеркивал, что «украинские писари особенно любили букву ѣ, употребляя ее для передачи своего народного і и сохраняя в то же время верность церковнославянской традиции на письме» (см. П. И. Житецкий, О переводах евангелия на малорусский язык, ИОРЯС, т. X, кн. 4, Спб, 1905, стр. 7).

(ухавай, 84, 1683; Фама Нагаскин, 85; по шаках, 42, 1683). Единичными являются примеры, отображающие изменение *о* в *а* перед слогом с другими ударяемыми звуками или в конце слова, а также примеры яканья (Евдакимъ, 29, 1690; ступени чаботные, 30, 1683; барзо позна было, 84, 1683; знямаль, 22, 1683; рубя жмай, 126; подъ городомъ Переяславлямъ, 31, 1683).

Встречается в актах также изменение безударного *а* в *о*. Оно, очевидно, связано с аканьем. Стремление писаря избегать диалектного произношения, следовать книжной традиции отразилось не только в сохранении им при написании буквы *о* в словах, где диалектно происходит изменение звука *о* в *а*, но и в изменении безударного этимологического *а* в *о* (напр.: Довида, 17; козали, 32, 1683; семнадцтого, 117).

Широкое отражение обнаруживает произношение безударного гласного *е* соответственно к ϵ . Явление это представляет собой черту северноукраинских говоров. Оно зафиксировано в предударной и чаще в заударной позиции (видечи, 54; десеть, 44, 1690; петно, 130). Однако в актах встречается много примеров, отображающих типичную черту южноукраинских диалектов — произношение в безударной позиции звука *а* ($\leftarrow \epsilon$), напр.: зрелася, 59; мовячи, 11; одинадцяти, 141, и др. Количество написаний с неударяемым гласным *а* ($\leftarrow \epsilon$) и с *е* почти одинаково.

Древние звуки *ы*, *і*, как свидетельствует орфография, слились в один звук. Соответствующие буквы *ы*, *и* передают в основном гласный передне-среднего ряда, свойственный украинскому языку. Среди всех примеров со смещением букв *ы*, *и* зафиксировано больше таких, где буква *и* стоит на месте этимологического *ы*, а не наоборот. Следовательно, в актах наряду с проявлением общей особенности украинского языка — сохранением гласного передне-среднего ряда и — обнаруживается диалектная черта — более узкая артикуляция гласного передне-среднего ряда, приближение этого звука к гласному переднего ряда.

Несколько примеров свидетельствует о смещении безударных *е*, *и* (черта, свойственная южноукраинским диалектам, встречающаяся и в других памятниках деловой письменности XVII в. и характеризующая звуковую систему украинского литературного языка этого периода вообще): Владимирера, 181; не подли двора, 138; седъль, 185; чирвономъ, 30, 1683.

Широко представлено в актах отвердение согласных, хотя это явление не везде легко можно определить, потому что даже мягкость конечных согласных при написании обозначается редко.

О твердости согласных перед *е*, *и* можно судить только на основании других фонетических явлений, имеющих место в па-

мятнике. Например, написания типа **Стефановичу**, параллельно **Стафановичу**, 3; **Дамянь**, 27, 1683, свидетельствуют о том, что согласные **т** и **д** в этих словах были твердые, а смешение букв **ы—и**, о котором упоминается выше, подтверждает тот факт, что они передавали гласный передне-среднего ряда, перед которым в украинском языке согласные произносятся твердо.

Очень выразительное отражение в актах нашло явление отвердения согласного **р** в начале слога, что свойственно, кроме северноукраинских диалектов и говоров Стародубщины, также диалектам юго-западным и белорусскому языку. Например: **з Бранска**, 15, 1690; **вымералася**, 117; **поратунку**, 89. Однако в актах многочисленными примерами фиксируется и палатальное произношение **р** в этой позиции (**господаря**, 29; **курятныкъ**, 17; **уряд**, 2), являющееся особенностью юго-восточных украинских диалектов. То же самое можно сказать относительно звука **ц**: в актах встречаются написания, свидетельствующие о твердом и мягком произношении его (в **границах**, 62; **крамницю**, 59; **мешканцю**, 115; **мса**, 40, и параллельно **мся**, 1, и др. (преобладающе), **одинадцати**, 123; **палицю**, 16, 1683; **пасербицями**, 86).

Согласный звук **ф** (соответственно иноязычным **f, th, ph**) часто заменяется другими согласными **х, п, хв**: при Гарасиму **Хоминачу**, 92; **Агапию**, 151; **Евпросиния**, 83; **Осипъ**, 53; **Хвеску**, 19; **Тимохвею**, 1664, Отр., 20. Однако в ряде случаев встречаются написания с **ф** или **ѣ** (**Агафия**, 8; **Трофимъ**, 37; **Фома**, 162, и др.), которые обуславливаются книжной традицией. О книжной традиции свидетельствует прежде всего тот факт, что **ф** сохраняется, как правило, в церковнославянизмах или же в традиционном начале актов при перечислении членов уряда.

Имеются случаи и замены буквосочетаний **хв** буквой **ф** (**сфатиль**, 73, 1683), что передает известную отдельным говорам фонетическую особенность.

Характерной чертой украинского языка, общей с языком белорусским, является изменение **г, к, х → з, ц, с**. Эта черта нашла свое отражение и в актах (**дочць**, 177; при Андрѣю **Музице**, 52; **служъ**, 75; в **хатци**, 141). Однако иногда встречаются примеры, в которых это изменение не отражено, что объясняется влиянием русского языка, например: на **дорогѣ**, 64, 1690; при... **сину его Захарки**, 43.

Согласный **г**, судя по написаниям, чаще всего произносился как фрикативный, реже, преимущественно в словах иностранных, — как прорывной (в таких случаях он обозначался буквами **кг**, иногда — **к**: **кганку**, 46; **кгвоздиковую**, 142; **кгрунтъ**, 1; **кузѣчками**, 149; **фикури**, 48).

Многие примеры свидетельствуют об изменении л в у (орфогр. в) — выразительной черте украинского и белорусского языков (бувь, 38, 1690; рокъ минувъ, 37; в самой повночи, 56, 1683; Андрею Товстому, 118). Однако нередко встречаются традиционные написания типа долгъ, 72; домовлялся, 26; почаль, 57, 1683.

Общей чертой украинского и белорусского языков, засвидетельствованной в ряде примеров, является изменение у—в, которое чаще всего встречается в начале слова (на урядъ — на врадъ, 127; вдарылъ, 39). Этим объясняется отсутствие различия синтаксических функций предлогов у, въ, а также появление контаминированного предлога ув, напр.: в него вкрадено, 154; у Гудовомъ Лозъ, 68; ув огородъ, 134; ув отказъ правомъ, 18.

Удлинение согласных отражено в актах непоследовательно, причем параллельные написания встречаются даже в одной и той же записи. Надо полагать, что фонетическое удлинение согласных могло передаваться и одной согласной буквой, напр.: в Задубеннъ, в Задубеню, 73.

Среди других фонетических явлений, зафиксированных в актах, следует указать на появление приставных в, г, напр.: Вовдя, 10; вусъмъ, 13; Ганну, 34. Это явление, как и многие другие, выступает непоследовательно (ср.: одобравши, 28; близко уха, 39; Анною, 23).

Наблюдается также непоследовательное употребление приставного согласного н (к нему, 68; в них, 35, и параллельно: до его, 158; на его, 40). Отсутствие приставного н является отражением фонетических особенностей украинского юго-восточного наречия. Об отражении фонетических юго-восточных диалектных особенностей очень выразительно свидетельствует также появление приставного н в формах притяжательных местоимений (в них дворъ, 140).

Некоторые примеры представляют собой проявление в языке актов фонетических особенностей белорусского языка. Это т. назыв. «цеканье» и «дзеканье» (на якомъ поседзеню, 63; на левой руки палець и вышей пясци киемъ поперебиваль, 87).

С книжной традицией связаны примеры фонетических полонизмов (злстника, 123; кривномъ, 44; на предмъстю, 62) и старославянизмов (младенець, 46; сошлет, 189; в соединение, 45), которые встречаются, как правило, в канцелярских оборотах.

Таким образом, в исследуемых актах достаточно выразительно выступают фонетические черты общенародного украинского языка, характеризующие его как один из восточнославянских

языков (сюда принадлежат также черты, общие для украинского языка и белорусского).

Наряду с этим тут зафиксированы диалектные особенности — южноукраинские и северноукраинские. Северноукраинские фонетические явления встречаются в Стародубских актах больше, чем в других актовых книгах (например, Полтавских, Бориспольских, Пирятинских), потому что они часто поддерживались тут произношением белорусским и русским. Но они не преобладают. Это дает возможность сделать вывод о юго-восточной диалектной основе Стародубских актов, как и других левобережных памятников украинской деловой письменности этой эпохи.

III глава. МОРФОЛОГИЯ

В этой главе рассматриваются особенности всех частей речи, зафиксированных в актах, характеризуются формы, которые нашли свое отражение в других памятниках украинского литературного языка этого периода, и формы, составляющие специфику Стародубских актов.

В первой части главы освещаются особенности категории рода, склонения и словообразования имени существительного.

Категория рода существительных в основном не отличается от употребления ее в современном украинском языке. Книжная традиция сохраняется в словах: **продажа**, **путь** (**продажа** пожнѣ, 50; о том **путѣ**, 75, 1690). Диалектные особенности отражаются в существительных **олѣй**, 56, 1690; **шатерьъ**, 149, 1690, и, очевидно, **засива**, 3, 1690; **образ**, 142, 1690 (современные укр. **олія**, **шатро**, **засів**, **образа**). Существительные **впис**, 56, 1683; **запис**, 97, 1690; **подпис**, 54, выступают в формах мужского рода, напр.: **сей выпись...** с **подписомъ** рук, 56, 1683; **быль подпись** рукъ, 58, и др., но параллельно с этим зафиксированы случаи традиционного сохранения ими форм женского рода (напр.: **запись** отпустная, 189).

Падежные формы существительных исследуемых актов в основном не отличаются от форм, зафиксированных другими памятниками украинского литературного языка второй половины XVII в. и свойственных общенародному украинскому языку этого периода. Например: существительные женского рода в родительном падеже единственного числа имеют окончание **-и** (графич. **ы**, **и**) после твердых согласных, а после мягких **-і** (графич. **ѣ**, **и**): **вѣры**, 54; **Анни**, 52; **сотнѣ**, 44; **Марии**, 34; в дательном падеже последовательно выступает окончание **-і** (графич. **ѣ**, **и**): **доцѣ**, 173, 1690; **Ганнѣ** **Климисѣ**, 55, 1690; **милости**, 12; в творительном

падеже — -ою, -ею (виною, 66; невѣстою, 23; куплею, 95; межею, 80, и др.).

В родительном падеже существительных мужского рода зафиксировано параллельное окончание -а(-я), -у(-ю). Семантическое разграничение этих форм уже намечается, но еще наблюдается некоторая неустойчивость, которая свойственна и современным диалектам. Так, например, существительные со значением места, пространства, а некоторые и собирательные выступают с параллельным окончанием (от двора, 51; половину огорода, 42; но саду, 13; кгрунту, 24; половину пляца, 58, и пляцу огородного, 46; по вийстю термина, 100, 1690, и недотримавши гермину, 17, 1690); существительные со значением четко очерченных предметов могут иметь и окончание -у (актиковане замѣнного листу, 54).

Параллельные формы зафиксированы также в дательном падеже существительных мужского рода. Окончание -ові, -еві (графич. -ови, -еви, реже -евѣ) выступает в существительных, обозначающих названия живых существ, в частности названия лиц (Василеви, 46; зятеви, 4), оно возможно и при приложении (Осипови Игнатовичови, жителеви Стародубовскому, 41), хотя чаще при приложении встречаются параллельные формы (пану Андрѣви, 67; пану писареви, 123, 1690) или формы с окончанием -у (-ю): батку своему Хомуту, 44; пану войту, 31, 1683. Существительные, обозначающие названия предметов, последовательно выступают с окончанием -у (-ю): к липовому кусту, 44; ку пожитку, 64; суду, 21 (черта местных говоров и северноукраинских диалектов).

Акты фиксируют грамматическое оформление категории одушевленности: у существительных одушевленных мужского рода винительный падеж совпадает с родительным, у неодушевленных — с именительным (Радиона москаля... утратили, 44; скаржилъ на Івана Куку, шевца, 76, 1690; взял коня, 21; иньбарь... продала, 2; пограбилъ казанець, 16).

Звательная форма существительных в актах встречается сравнительно мало, что обуславливается стилистическими особенностями деловых документов. Однако зафиксированные примеры свидетельствуют об употреблении звательной формы в украинском литературном языке XVII в. и распространении ее в разговорной речи того времени (пане сусѣде, 89, 1683; брате, 53, 1690; Татяно, 109, 1690; сину, 99, 1690, и др.). Иногда при обращении употребляются формы именительного падежа, например: безецный сыну, пань Есифь, 127, 1690; а за що, правѣ, пся бо-рода, товариша моего посадить, 73, 1683.

Во множественном числе существительные выступают в основном с новым окончанием, свойственным и современному украинскому языку. Наряду с этим встречаются случаи сохранения старых форм. Старые формы преобладают в дательном падеже существительных мужского рода: продала... ему самому, малжонце и **потомкомъ** его, 3; ку всімъ **сватомъ**, 27, 1683 (хотя встречаются тут и параллельные, новые: **кгрунтамъ**, 57; **малжонкамъ**, 159; **пасинкамъ**, 110, и др.). Старая форма творительного падежа выступает в канцелярских штампах: **вѣчными часы** (встречается почти в каждом акте), **такowymi (тими) словы**, 21, 84, 1690. Очень редко она зафиксирована в других словах (з околними **сусѣди**, 147), хотя преобладающей в словах такого типа является форма с окончанием **-ами**, **-ями** (словами, 98; **сусѣдами**, 21; **шевцами**, 160). Архаичная форма встречается иногда в предложном падеже (в прошлых **годехъ**, 53; в **сусѣдехъ**, 61; в **числехъ**, 57).

Заслуживает внимания форма винительного падежа существительных среднего рода. В большинстве случаев винительный падеж существительных среднего рода совпадает с именительным (на **рукоемство**, 31, 1690; на **проданное угоде**, 47, и др.). Однако встречается несколько примеров с окончанием **-я** (соответственно древнему и преобладающему в актах **-е**), напр.: чули-смо **визнаня**, 44; на тоє теды урядовое **питаня**, 74, 1683; чинила **оповѣданя**, 26, 1683; параллельно: теды на тоє **питане**, 84, 1683; чинилъ **обвещене**, 72, 1683.

Ряд особенностей склонения существительных обуславливается влиянием белорусского языка и местных говоров. Очевидно, этим объясняется отсутствие окончания **-ам** в творительном падеже существительных среднего рода, в которых ассимилировался звук **й**, хотя окончание **-ам** зафиксировано другими памятниками XVII в. и свойственно современному украинскому языку (в актах наблюдается только окончание **-ем**: **каранемъ**, 128; **подгоремъ**, 68; за **признанемъ**, 66, 1683).

В актах встречаются случаи употребления параллельных форм существительных мужского рода на **-ко**, **-ка** (**Гришко**, 14, 1683; зъ **Гришкомъ**, 26, и **Гришка** Лалтенюкъ, 8, 1683; **Васко**, родит. пад. **Васка** Иванова 151, 1690, и параллельные тут же: он, **Васка**; я, **Васка** Ивановъ руку приложилъ; речь словесная **Васки**; перевезлъ его, **Васку**). Такое скрещение особенностей украинского и белорусского языков характеризует говоры Стародубщины.

Влиянием белорусского языка объясняются примеры перенесения формы родительного падежа существительного I склонения

ния в винительный: през-пана Івана Яковлевича Ширая, райци Стародубовского.

Способы словообразования существительных в основном не отличаются от тех, которые свойственны современному украинскому языку (чаще всего встречается тут суффиксальное словообразование, меньше — префиксальное, словосложение, субстантивация). Особенности актов проявляются в употреблении некоторых словообразовательных средств. Так, например, наряду с суффиксами **-их(а)**, **-к(а)**, образующими существительные со значением названий лиц женского рода по имени, фамилии или профессии мужа, употребляется суффикс **-ух(а)**, свойственный белорусскому языку и северноукраинским диалектам, например: **Максими́ха Насту́ха**, 160; **Настю́ха**, 10; **Мелничка**, 34, и др. В существительных со значением фамилий зафиксирован суффикс **-енк(о)** и свойственный белорусскому языку суффикс **-енок** (**Кругленко**, 97, 1690; **Лизуенко**, 44; **Пастушонок**, 85; **Фомиченок**, 120; **Червячонок**, 24).

Формы словоизменения и словообразования прилагательных, как и формы существительных, также мало отличаются от свойственных современному украинскому языку. Однако среди них встречаются и диалектизмы, а также белоруссизмы, напр.: окончание **-ое** в родительном падеже прилагательных женского рода (**готовое суммы**, 7; **монети доброе**, 115, 1690), **-ие** в именительном-винительном падеже множественного числа (**обыватели Стародубьские**, 1665, Отр., 30; **шкодливые позадавал раны**, 16): формы именительного падежа мужского рода без конечного **ј** (**на доводь певнѣйши**, 84, 1683) и др. Архаичной чертой является сохранение суффикса **-ий** в прилагательных с основой существительного (**невестее плоти**, 66; (конь) шерсти **сивозелезый**), разграничение синтаксических функций полных и кратких форм прилагательных, употребление кратких прилагательных в роли сказуемого (**здоровь и живь будеть**, 72, 1690; **товарь увесь цѣль**, 121, 1690).

Структура числительных, зафиксированных в актах, также имеет свои особенности. Так, например, часто употребляются числительные, составной частью которых является слово **пол-** (**полтрети**, 153, 1690; **полчварта**, 123, 1690; **полшоста**, 101, 1690; **полтринадцати**, 71, 1683); числовое название **сорок** (параллельно **сорочок**) может выступать со значением названия предмета (напр.: **соболей вручено било сороковь девять...**, **куниць сороковь шесть**, 85, 1690; **куниць... сорочокь продаемь, по таярей сорокь**; а было **сорочковь шесть**, 84, 1690) и в косвенных падежах сохранять формы существительных (в **копахь сороку**, 54.

1683). Со значением названия девяти десятков параллельно употребляются **девяносто**, 189, и **девятдесят**, 120, 1690. В сложных числительных обычно изменяется вторая составная часть, однако встречаются следы древнего склонения (о **деветинадцеть фурахъ**, 19, 1690; **шестидесятъ штукъ**, 84, 1690). Составные числительные отображают в основном древний способ соединения их компонентов — способ присоединения меньшего числа к большему при помощи союзов **и**, **без** (на двадцать рублей и рубль грошей, 4, 1690; сто пятьдесят без двухъ папушь, 4Г).

Особенностью актов является употребление параллельных форм именительного или косвенного падежей ряда местоимений, напр.: **той**, 15, — **тот**, 21; **той**, 167, — **тое**, 71, — **тоєъ**, 151, 1690, — **тоєе**, 149; в дому **своемъ**, 21, — в дому **своимъ**, 83, 1683; при **немъ**, 12, — при **нимъ**, 30, 1683, и др., что чаще всего объясняется влиянием местных диалектов и белорусского языка на язык актов. Диалектными следует считать формы **моего**, 89; **свойму**, 100; **свому**, 54, 1690, которые встречаются в памятнике, а также способ образования неопределенных местоимений с частицами **нѣ**, где (**нѣякий бояринъ... забралъ**, 143; **нѣкоторые особы... повѣдаютъ**, 31; для потребы **гдеякѣй панской**, 84, 1683).

В исследуемых актах зафиксированы разнородные формы глагола. Наряду с новыми глагольными формами представлены тут и старые; они часто являются следствием сохранения традиций книжной речи, а в ряде случаев характеризуют разговорный язык второй половины XVII в. Так, в актах встречаются примеры бесприставочных глаголов со значением совершенного вида, отображающие слабую степень развития разграничения видов (напр.: **важился**, 139; **разиль**, 125; **платити**, 44, и под., которым в современном украинском языке соответствуют «наважився», «вразив», «оплатити»). Сохраняются примеры нечеткого оформления категории состояния глагола: частица **ся** в непереходных глаголах может отсутствовать (**зоставалъ винень**, 14, 1690, — совр. укр. «зоставався»; **як тая шкода стала**, 68, 1683, — совр. укр. «сталася»). В ряде случаев не соответствует современному употреблению некоторых префиксов (ср.: **уступить** аж до Писарова, 127, 1690, — «відступити», «відійде»; **умовився**, 137, — «домовився»; **зновил**, 74, — «відновив»; **покормити**, 89, — «прогудувати»).

Характерной чертой Стародубских актов является употребление в III лице един. числа настоящего времени форм с конечным согласным **-т** (**береть**, 128; **можетъ**, 96), только единичный случай фиксирует форму с окончанием **-е** (**бере**, 16, 1683).

Среди форм прошедшего времени преобладают перфектные

без вспомогательного глагола (бралъ, 21; вдарыль, 39; довѣль, 1665, Отр., 26, а также бувъ, 38, 1690; кроѣвъ, 96, 1690, и др.), однако часто встречаются и слитные формы перфекта (взялемъ, 21; подала-мъ, 54; казали-мо, 5; учинилисмо, 25, 1683; покра-лесь 54, и др.).

В актах отражаются все три формы будущего времени, свойственные и современному украинскому языку (не пойду, 178; тратитиметь, 86; будетъ продавати, 25).

Среди форм повелительного наклонения встречается и диалектная, в которой отсутствует конечный й после гласного звука, напр.: грѣся и параллельно грийся, 128, 1690; би (би, правѣ, добре такую-овакую, 89, 1690), соответствующее украинское «бий».

Морфологические типы наречий, зафиксированных в актах, в основном соответствуют современным. Особенностью актов является широкое употребление наречий на -е, образованных от прилагательных (напр.: вичне, 176; дойсне, 29, 1690; жалосне, 48, 1690; лагодне, 18, 1690), и наречий на -о (волно, 27, 1690; синяво, 45, 1683), которые, в отличие от современного языка, могут быть образованы и от относительных прилагательных (приятельско, 172, 1690; тиранско, 141, 1690). Анализ наречий подтверждает ту мысль, что пополнение этой грамматической категории идет за счет развития адвербиализованных сочетаний прилагательных или числительных с предлогами (ср., напр., современные укр. *вперше, знову, по-приятельськи* и зафиксированные в актах: *перше, 142; ново, 20; приятельско, 172, 1690*). Некоторые наречия этого типа в процессе развития языка претерпели незначительные изменения (напр.: наречия *виѣле, 141; вкортце, 142*, и т. п.). Некоторые наречия, образованные от существительных (типа *купномъ, 71; незабавомъ, 171, 1690; пехотомъ, 161, 1690; утекомъ, 166, 1690*, и т. п.), совсем вышли из употребления.

Система служебных слов характеризуется синонимичным богатством. Это в известной мере обуславливается употреблением диалектных форм, наличием полонизмов и старославянизмов (ср., напр., объяснительные союзы: *же, иж, 52; иже, 1665, Отр., 46; що, 7, 1690; што, 30; что, 6; будто, 88, 1690; якобы, 5; жебы, 45, 1683*, и др.).

Наряду с предложными конструкциями встречаются еще и архаичные беспредложные обороты, напр.: *споменувъши... Деревъе, 9, 1690* (соврем. укр. «про дерево»); *того боярина утекши, 151, 1690* («від того боярина») и т. п. Особенностью актов является широкое употребление предлога *от (од)* с родительным падежом для обозначения действующего лица (напр.: *словъ, от мене заданыхъ, 9, 1690*), предлога *к (ку)* параллельного *к до (до*

матери — къ матъце, 16, 1690, и др.); употребление некоторых специфических частиц (напр.: *де*, 4; *ли*, 114; словообразовательной *нѣ*, 31) и др.

В заключении указывается на значение Стародубских актовых книг в изучении истории украинского литературного языка, делаются общие выводы о лексических, фонетических и морфологических особенностях исследуемого памятника.

Стародубские акты являются важнейшим памятником деловой письменности украинского литературного языка второй половины XVII в. В нем ярко отражаются черты делового стиля украинского литературного языка XVII в., в основе которого лежал язык общенародный.

Исследуемые акты отражают основные черты юго-восточного диалекта украинского языка. В этом их общность с другими актовыми книгами, написанными на Левобережье (полтавскими, пирятинскими, бориспольскими). Однако вследствие того, что они были написаны на территории, населенной украинцами, русскими и белоруссами, в них отражены как северноукраинские диалектные черты, так и некоторые особенности белорусского и русского языков.

Книжной традицией обуславливаются старославянизмы и полонизмы, но вообще в актах наблюдается тенденция к их ограничению.

Лексика, фонетика и грамматический строй, зафиксированные в Стародубских актовых книгах, дают богатый материал для всестороннего изучения украинского языка, его истории, и в этом заключается их несомненная ценность как памятника украинского литературного языка XVII в.

Основное содержание диссертации изложено в следующих статьях:

1. Система відмінювання іменників в «Актовій книзі Стародубського міського уряду 17 століття», «Наукові записки» Черкаського пединститута, т. XII, в. 4, 1958.

2. Форми дієслів в «Актовій книзі Стародубського міського уряду 17 століття», «Наукові записки» Черкаського пединститута, т. XV, Серія філологічних наук, вип. 5, 1960.

3. Лексика Актових книг Стародубського міського уряду другої половини XVII ст., Сб. «Дослідження з слов'янських мов», изд. АН УССР, 1962.

4. Мова Актових книг Стародубського міського уряду другої половини XVII століття. Фонетика, «Наукові записки» Черкаського державного пединститута, т. XVIII, в. VI, 1962.

Содержание
1. Введение
2. Основные понятия
3. Методика исследования
4. Результаты исследования
5. Заключение

ВВЕДЕНИЕ
Настоящая работа посвящена изучению...
Актуальность темы обусловлена...
Целью исследования является...
Задачи исследования состоят в том, чтобы...

ОБЪЕКТ И ПРЕДМЕТ ИССЛЕДОВАНИЯ
Объектом исследования является...
Предметом исследования является...

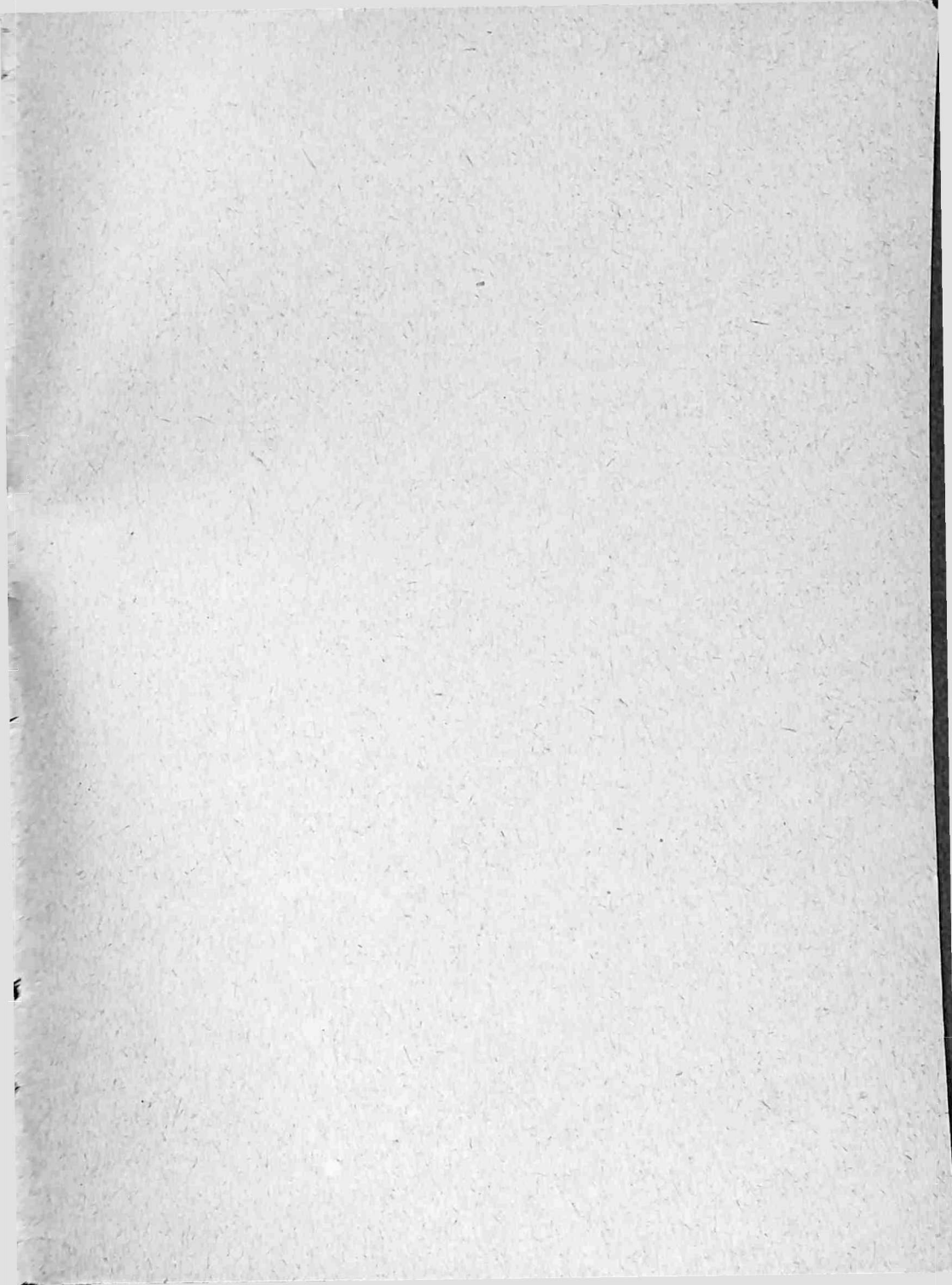
МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ
Исследование проводилось с использованием...
Основными методами исследования являются...

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
В результате проведенного исследования...
Получены следующие результаты...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
Выводы из проведенного исследования...
Проведенное исследование позволило...

БФ 05326. Подписано к печати 27/II—1962 г. Формат бумаги 60×84.
Печ. лист. 1,25. Заказ 162. Тираж 150.

Типография при Киевском государственном педагогическом институте
им. Горького, ул. Франко, 44.

скальпаты